
ЕЛЕНА
Воронина
Долгий путь
К СЕБЕ

Елена Воронина

Долгий путь к себе

«Литнет»
2026

Воронина Е.

Долгий путь к себе / Е. Воронина — «Литнет», 2026

Он поклялся уничтожить её отца. Она стала его оружием. А потом — его слабостью. «Долгий путь к себе» — роман о том, как ненависть приводит не туда, куда ты шёл, а любовь проводит туда, где ты нужен.

© Воронина Е., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Месть. Удар по самолюбию. 5
Первый рабочий день. 8
Нападение 10
Пирожки 13
Деловой ужин 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Месть. Удар по самолюбию.

В конце мая, когда Санкт-Петербург накрыло промозглым туманом, а Нева казалась свинцовой, Сергей Князев стоял в пустом кабинете своего отца. Здесь пахло пылью и горечью — той особенной горечью, которая остаётся после того, как человек теряет всё, чему отдал тридцать лет жизни.

Кабинет был ещё вчера его — Сергея. Теперь здесь сидели судебные приставы, описывая имущество. Компания «Северный Альянс», которую отец собирал по кирпичику с девяностых, рухнула за один месяц. Причина была проста и банальна, как предательство: давний партнёр, Валерий Громов, подписал договор, которого не существовало. Подставил. Кинул. Сделал это так чисто, что все иски разбивались о стену его адвокатов, а отцу Сергея оставалось лишь одно — объявить себя банкротом. Инфаркт добил старика через две недели после потери компании.

— Сынок, — отец сидел в кресле, сгорбившись, и его седые волосы казались пеплом на голове. — Я не хочу, чтобы ты мстил. Жизнь — она длинная, знаешь...

— Нет, — перебил Сергей, и его голос, низкий и бархатистый, прозвучал жестко. — Я не прощу. Он убил тебя, папа. Он украл нашу фамилию из деловых рейтингов. Я сделаю так, что он заплатит.

Отец не дожил до конца разговора. Сергей остался один. Тридцать три года, красивый как киногерой — светлые волосы тёплого блонда, небрежно уложенные, голубые глаза с пронзительным, холодным взглядом, волевые скулы, лёгкая небритость, фигура атлета. Теперь он был должен банкам, жил в съёмной однушке на окраине и начинал с нуля.

Но месть грела его, как огонь в промёрзшей груди.

За неделю до того, как всё рухнуло, Сергей сидел в ресторане «Палкинъ» на Невском — том самом, где когда-то отмечали каждую крупную сделку. Напротив него сидел Максим — высокий, широкоплечий, с тёмными волосами и весёлыми карими глазами. Друг детства, с которым они вместе росли в спальном районе на Гражданке, вместе прогуливали школу, вместе поступали в университет. Максим был тем человеком, который знал Сергея дольше всех — и любил его не за успех, а просто за то, что он был.

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — сказал Максим, разливая вино. — Сделка с «Пятёрочкой» прошла, контракт подписан, ты должен летать. А ты сидишь, как будто на похоронах.

— Не люблю я эти контракты, — ответил Сергей, откидываясь на стуле. — Чем больше денег, тем больше людей, которые хотят их отнять.

— Паранойя?

— Опыт.

Максим усмехнулся и покачал головой.

— Ты всегда был параноиком. Помнишь, в школе? Ты не отдал мне жвачку, потому что «вдруг она отравленная».

— Она была отравленная, — Сергей улыбнулся краем губ. — Ты просто не знал.

Они рассмеялись. За окном шумел Невский, вечерний свет заливал зал, и Сергей на мгновение позволил себе расслабиться. Рядом с Максимом он всегда чувствовал себя собой — не генеральным директором, не «молодым предпринимателем года», не наследником «Северного Альянса». Просто Серёгой. Мальчишкой из спального района, который когда-то мечтал о большом городе и больших деньгах.

— Слушай, — Максим подался вперёд. — Я тебе давно хотел сказать. Ты слишком много работаешь. Я понимаю, бизнес, амбиции, всё такое. Но ты не живёшь. Ты функционируешь.

— А что я должен делать? — Сергей приподнял бровь. — Ходить по клубам? Путешествовать? У меня отец на мне, компания на мне, сотни людей...

— Тебе тридцать два, — перебил Максим. — Ты не женат, у тебя нет детей, ты не помнишь, когда последний раз был в отпуске. Ты знаешь, что такое счастье?

Сергей помолчал. Он не знал. Он знал, что такое цель. Что такое победа. Что такое удовлетворение от закрытой сделки. Но счастье... счастье было чем-то из другого словаря.

— Я счастлив, когда всё идёт по плану, — сказал он наконец.

— Это не счастье, — Максим покачал головой. — Это контроль. А контроль — это страх. Ты боишься, что всё рухнет. Поэтому держишь так крепко.

Сергей не ответил. Он смотрел в бокал и думал о том, что Максим прав. Но признавать это не хотел.

Через неделю «Северный Альянс» рухнул. Валерий Громов подписал тот самый поддельный договор, и всё, что Сергей строил годами, рассыпалось за один день. А Максим был единственным, кто приехал к нему в тот же вечер — с бутылкой виски и без единого слова упрёка.

— Я с тобой, — сказал он, садясь рядом на пол в пустом кабинете. — Что бы ты ни решил. Месть, суд, побег — я с тобой.

— Я не знаю, что делать, — признался Сергей. — Впервые в жизни не знаю.

— Тогда просто не делай ничего сегодня, — Максим налил ему виски. — Сегодня ты просто переживёшь. Завтра начнём думать.

Они просидели до утра. И Сергей запомнил это. Запомнил, что в мире есть человек, который не отвернулся. Который не спросил «как ты мог», а сказал «я с тобой». Это было дороже любых денег.

Он перерыл всё о Громове. Активы, связи, привычки, слабости. И нашёл главную: Валерий Громов был нарциссом. Он обожал свою репутацию, свой образ, свою безупречность. Единственное, что могло задеть его сильнее, чем потеря денег, — удар по самолюбию.

У Громова была дочь. Анастасия. Двадцать два года, худенькая, темноволосая, с длинными волнистыми волосами и карими глазами, которые на всех фото в соцсетях смотрели трогательно и беззащитно. Недавно закончила экономический. Отец не участвовал в её жизни — бросил семью, когда девочке было двенадцать, переводил деньги раз в месяц на лечение бывшей жены, но ни разу не приехал на день рождения или выпускной. Он вспоминал о дочери только когда кто-то спрашивал о семье — и тогда с напускной гордостью говорил, что она учится, что она умница. На самом деле Громову было плевать. Но если бы кто-то публично использовал его дочь, опозорил её, сделал её игрушкой и выложил бы эротическте фотографии Анастасии в просторах интернета — это разнесло бы его образ в пух и прах. Пресса сожрала бы его. Партнёры могли отвернутся из-за испорченной репутации.

Сергей долго смотрел на фото Насти в соцсетях. Хрупкая, темноволосая, с карими глазами и бледной кожей. В них не было ни капли отцовской хищности. Она казалась беззащитной и наивной — идеальной жертвой для его плана. Он не хотел причинять ей боль. Нет. Он просто хотел её соблазнить, сделать своей, а потом предъявить Громову: «Твоя дочь спит с врагом. И ее фотографии в стиле ню будут скоро во всех интернет-пабликах. Как тебе это, Валерий Петрович?»

Сергей знал, что это подло. Но ненависть к Громову затмевала всё.

Он написал ей в соцсетях:

«Анастасия, я Сергей Князев. Моя компания ищет стажёра на позицию аналитика. Ваш диплом и рекомендации меня заинтересовали. Если хотите — приезжайте завтра в десять утра на Лиговский, 234, офис 45. Обсудим условия».

Ответ пришёл через час:

«Сергей Александрович, спасибо! Я очень хочу у вас учиться. Буду завтра».

Сергей закрыл ноутбук. На его губах застыла холодная улыбка. Она даже не спросила, какая компания, не уточнила, почему её рекомендации заинтересовали человека, который

никогда её не видел. Она просто прибежит, потому что она голодна до знаний и до признания. Её отец не дал ей этого. А он даст — ровно столько, чтобы она влюбилась.

Он не испытывал к ней жалости. Настя была орудием. Средством. Способом заставить Громова страдать. Сергей смотрел на её фото ещё раз — на тёмные волнистые волосы, на карие глаза, на наивный взгляд — и мысленно уже видел, как разрушает жизнь её отца. Но он не заглядывал вперёд. Он просто знал, что завтра сделает первый шаг.

———————————————

Дорогой друг! Я — начинающий автор, и моим историям очень нужна твоя любовь!

Подпишись на блог и подари звездочку моим книгам. Это займет секунду, а для меня это — целый мир поддержки. Спасибо!

Первый рабочий день.

Анастасия Громова волновалась, стоя у дверей офиса на Лиговском. Она поправила свой бежевый пиджак, одернула юбку-карандаш и глубоко вздохнула. Фамилия Князев звучала как музыка — легенда петербургского бизнеса. Отец, правда, всегда говорил о Князевых пренебрежительно, называл их «выскочками», но Настя никогда не придавала этому значения. Она не была близка с отцом, знала его только по редким холодным звонкам и переводам на карту для мамы.

Мама... мама болела. Рак на третьей стадии, химиотерапия, дорогие препараты. Отец платил за лечение, но делал это с таким лицом, будто оказывал величайшее одолжение. Каждый перевод сопровождался коротким эсэмэс: «Деньги перевёл. Не позорь мою фамилию». Настя ненавидела эту зависимость, но выбора не было. Стипендия и подработки едва покрывали коммуналку. Она мечтала о стажировке в крупной компании, чтобы зарабатывать сама, чтобы отцу больше не было чем её шантажировать.

Она вошла в офис и остановилась. Здесь было тесно, пахло дешёвым кофе и озоном от старой техники. Никакой роскоши, о которой она читала в статьях про «Северный Альянс». Навстречу ей поднялся высокий мужчина со светлыми, почти золотистыми волосами, небрежно уложенными, и пронзительными голубыми глазами, от которых по спине пробежал электрический ток. Он был красив той опасной красотой, от которой у девушек подкашиваются колени. Голубые глаза, чёткая линия скул, чувственные губы — вылитый Станислав Бондаренко, но без киношного глянца, с настоящей, живой жёсткостью во взгляде.

Сергей Князев протянул руку. Она вложила свои тонкие пальцы в его широкую ладонь — и на мгновение мир вокруг перестал существовать.

— Анастасия? — голос у него оказался низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой. — Проходите. Садитесь.

Она села на старый, скрипучий стул. Сергей остался стоять, опершись о стол, и разглядывал её с хищной внимательностью. Он смотрел на неё как на произведение искусства — пристально, изучающе, с лёгкой усмешкой на губах, которая заставляла её краснеть.

— Вы знаете, кто я? — спросил он прямо.

— Конечно. Сергей Князев. Ваш отец основал «Северный Альянс». Вы входили в топ-20 молодых предпринимателей.

— Входил, — усмехнулся Сергей горько. — А теперь я должен банкам двенадцать миллионов и начинаю с нуля. Это вас не пугает?

Настя заморгала. Она ожидала блеска, хрусталя, деловых предложений. А тут — голый офис и полунищий владелец.

— Нет, — сказала она твёрже, чем думала. — Я хочу научиться строить бизнес. Не важно, с какого уровня. Я справлюсь.

Сергей смерил её долгим взглядом. Худенькая, темноволосая, с длинными вьющимися волосами, карими глазами — в них не было жадности, только искреннее желание. Она казалась наивной и чистой, как первый снег. Совсем не похожей на отца. Это было даже забавно. Он ожидал увидеть избалованную дочку олигарха, а перед ним сидел испуганный, но упрямый воробей. С ним будет легко. Две недели внимания, комплиментов, заботы — и она влюбится по уши. Он знал свой эффект на женщин.

— Хорошо, — сказал он. — Стажировка длится три месяца. Я буду учить вас всему. Жёстко, но справедливо. Оплата — пятнадцать тысяч, плюс бонусы за результат. Устраивает?

Настя кивнула, и её карие глаза засияли. Она так искренне обрадовалась этим жалким деньгам, что Сергей на миг почувствовал укол совести. Но он быстро его задавил. Она — дочь врага.

— Тогда начнём прямо сейчас, — сказал он, пододвигая к ней стопку бумаг. — Научитесь работать с отчётами. Вечером проверим.

Настя взяла папку, и он заметил, как дрожат её тонкие пальцы. Она боялась. Но её карие глаза горели решимостью. Сергей отвернулся к окну, чтобы она не видела его лица. В груди закипало странное чувство — смесь триумфа и чего-то тягучего, непонятного. Он не знал, что это первый шаг вниз по лестнице, где ступеньки ведут не к мести, а к пропасти.

Но он был хищником. И хищники не смотрят назад.

После того как Настя ушла, Сергей сидел в офисе один. Смотрел на стопку бумаг, которые она разобрала, и думал о том, что впервые за долгое время ему не хотелось никуда бежать. Позвонил Максим.

— Ну что, как прошёл первый день с новой стажёркой? — спросил он с усмешкой. — Не сбежала?

— Не сбежала, — ответил Сергей. — Работает. Умная. Слишком умная, чтобы быть дочерью Громова.

— Может, она не в отца?

— Может.

Максим помолчал.

— Ты уверен, что хочешь это делать? Использовать её? Я не моралист, ты знаешь. Но это... это грязно, Серёга.

— Я знаю, — Сергей сжал телефон. — Но у меня нет выбора. Она — единственный способ добраться до Громова. Через бизнес его не достать. Через суд — тоже. Он неуязвим. Но если он узнает, что его дочь...

— Ты сломаешь её, — перебил Максим. — Не его. Ты сломаешь её. Ты подумал об этом?

Сергей не ответил. Он смотрел на стол, где осталась её чашка от чая — она забыла её, уходя. Маленькая, с цветочком. Он взял её в руки и почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Я подумаю, — сказал он.

— Подумай, — Максим вздохнул. — И ещё. Приезжай в субботу. Посидим, выпьем. Ты слишком много работаешь. Опять.

Нападение

Прошло две недели стажировки. Настя втянулась в работу, хотя Сергей не давал ей спуску — заставлял переделывать отчёты по три раза, учил читать балансы между строк, требовал анализировать конкурентов до мельчайших деталей. Она не жаловалась, только хмурила тёмные брови, когда что-то не получалось, и сияла карими глазами, когда он наконец кивал, принимая её работу.

В тот вечер он закончил раньше обычного. Инвестор прислал правки по бизнес-плану, и Сергей хотел доработать их дома, в тишине своей пустой квартиры. Он собрал ноутбук, накинул куртку и уже вышел из офиса, когда вспомнил, что забыл флешку на столе. Вернулся, забрал, и на выходе из бизнес-центра остановился у припаркованной машины — старой, потрёпанной «Лады», которую он купил за копейки у знакомого, потому что на метро тратил слишком много времени.

Он уже открывал дверцу, когда с торца здания донёсся звук. Тонкий, испуганный женский голос, который он узнал бы из тысячи:

— Помогите! Отпустите меня!

Сергей замер. Сердце пропустило удар. Он не знал, что Настя до сих пор в офисе — она обычно уходила раньше него. Но этот крик был именно её голосом, звонким, срывающимся на визг.

Он не раздумывал ни секунды. Бросив машину с распахнутой дверцей, Сергей рванул на голос, обогнул бизнес-центр и выскочил на пустынную парковку с торца здания. Там, под тусклым светом единственного фонаря, он увидел её — Настя стояла, прижавшись спиной к кирпичной стене, тёмные волосы прилипли к щекам, карие глаза расширены от страха, а трое парней в капюшонах прижали её к стене. Один держал за руку, выкручивая её, другой тянулся к сумке, третий стоял чуть поодаль, посмеиваясь.

— Да ладно тебе, красавица, — говорил тот, что держал сумку. — Отдай телефон, и мы уйдём. Чего ты скандалишь? Сама виновата, нечего по темноте шляться.

— Пустите! — Настя вырывалась, но её сил не хватало. — Я вызову полицию! Я вас запомнила, я...

— Дура, мы в масках, — заржал третий. — Ты нас даже не видела.

Сергей не слышал больше ни слова. Он подлетел к ним, схватил того, кто выкручивал Насте руку, за шкирку и со всей силы отшвырнул в сторону. Парень полетел на асфальт, больно ударившись головой, и затих на секунду, оглушённый.

— Вы охренели, мужики? — рявкнул Сергей, заслоняя собой Настю. — Пошли вон, пока я не позвонил в полицию.

Второй — тот, что держал её сумку, — опешил, отпустил лямку и попятился. Третий, который стоял в стороне, попытался замахнуться, но Сергей перехватил его руку, вывернул, с силой надавил на запястье — и парень взвыл от боли, приседая.

— Валите, — повторил Сергей ледяным тоном. — Быстро. Пока я не передумал.

Первый уже поднялся с земли, держась за затылок, и, злобно сплюнув, потянул товарищей за собой. Они исчезли в темноте, оставив лишь шум быстрых шагов и мат на прощание.

Сергей повернулся к Насте. Она стояла, прижав ладонь к груди, и смотрела на него расширенными карими глазами, по которым текли слёзы. Сумка выпала из рук, телефон валялся на асфальте, мокрые тёмные волосы прилипли к щекам — видимо, шёл мелкий дождь, которого он даже не заметил.

— Ты как? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё клокотало от ярости. — Они тебя ударили?

— Нет... — выдохнула она, всхлипнув. — Они просто вытащили меня из подъезда, когда я выходила... Схватили за руку, за сумку, я хотела кричать, но рядом никого не было...

— А я был, — перебил он, беря её за плечи. — Я был рядом. Всё кончилось.

Настя вдруг всхлипнула громче, уткнулась лицом ему в грудь, и он ощутил, как её худенькое тело дрожит от рыданий. Сергей обнял её, прижимая к себе, и чувствовал, как его рубашка намокает от её слёз.

— Тише, — шептал он, гладя её по мокрым волосам. — Тише. Я здесь. Ты в безопасности.

Он держал её в объятиях и говорил себе, что это правильно. Она — его орудие, его план, его месть. Он должен защищать её, потому что она нужна ему для удара по Громову. Это расчёт. Это холодный расчёт, и ничего больше.

Но где-то глубоко, в самой тёмной части его души, что-то сжималось от её слёз. Что-то, чему он не хотел давать имя.

— Они хотели просто ограбить, — прошептала она наконец, поднимая на него заплаканное лицо. — Но я испугалась... очень испугалась. Спасибо вам, Сергей Александрович. Если бы вы не услышали...

— Я услышал, — сказал он хрипло, вытирая большим пальцем слезу с её щеки. — И всегда буду слышать, когда тебе нужна помощь. Запомни это.

Настя посмотрела на него снизу вверх. В свете фонарей её карие глаза блестели от слёз, но в них уже не было страха — только удивление и благодарность. Она выглядела такой хрупкой, такой юной, что Сергей на секунду отвёл взгляд. Не потому, что хотел поцеловать. А потому, что не хотел видеть в ней что-то, кроме инструмента. Инструменты не смотрят на тебя так.

— Теперь пойдём, — сказал он, поднимая её сумку и телефон с асфальта. — Я провожу тебя до самого подъезда.

— А машина? — вспомнила она.

— Машина подождёт, — ответил он, беря её за руку. — Ты важнее.

Он сказал это и сам не понял, почему. Ведь это было неправдой. Важнее была месть. Но когда её тонкие пальцы сжали его ладонь, он не стал исправлять свои слова.

Они пошли по мокрой улице. Дождь усилился, но Настя не жаловалась. Она шла рядом, и её пальцы сжимали его ладонь так крепко, будто боялась, что он исчезнет. Сергей чувствовал её дрожь и на ходу снял куртку, накинул ей на плечи — она была слишком велика, но Настя укуталась в неё, как в одеяло.

— Я верну, — сказала она тихо.

— Не возвращай, — ответил он. — Оставь себе. На память.

Она улыбнулась сквозь слёзы — светло, благодарно. У подъезда она остановилась и посмотрела на него.

— Вы необычный человек, Сергей Александрович. Вы же не обязаны были мне помогать. Вы могли просто пройти мимо.

— Я не могу пройти мимо, — ответил он просто. — Иди. Выпей горячего чая. Завтра выходной — отдыхай. В понедельник начнём с новой силой.

Она кивнула и, поколебавшись, вдруг встала на цыпочки и поцеловала его в щёку — быстро, робко, как в первый раз. Потом скрылась за дверью подъезда.

Сергей стоял под дождём, глядя на светящееся окно на четвёртом этаже. По его щеке ещё горело тепло от её губ. Он провёл по ней рукой и нахмурился. Это было лишнее. Она не должна была этого делать. Он не должен был это позволять.

Он вернулся к машине, сел за руль и завёл мотор. По дороге домой он думал о ней. Не как о женщине — как о проблеме. Она была слишком доверчивой, слишком открытой, слишком настоящей. Это усложняло план. Это делало его работу грязнее, чем он рассчитывал.

«Она — дочь Громова, — сказал он себе, глядя на дорогу. — Она — инструмент. И ничего больше».

Он повторял это, пока не доехал до дома. Но перед сном, когда он лежал в темноте и слушал шум города за окном, он вспомнил её глаза — карие, полные слёз, смотрящие на него с такой благодарностью, будто он был её спасителем. И что-то внутри него не давало ему покоя. Что-то, чему он не хотел давать имя.

Он не знал, что это. Он не хотел знать. Потому что если бы он признался себе, что это было, — план бы рухнул.

А план рушиться не должен был.

Ночью, когда Настя уже была дома, Сергей сидел в машине и не мог уехать. Он позвонил Максиму.

— Ты где? — спросил тот. — Час ночи.

— Я не знаю, — Сергей смотрел на окна её дома. — Я спас её сегодня. От хулиганов. Она... она была такая испуганная.

— И?

— И я не знаю, что делать, — Сергей закрыл глаза. — Я должен её использовать. Я должен довести план до конца. Но когда я увидел её там, у стены, с этими уродами... я не думал о плане. Я просто побежал.

Максим молчал долго. Потом сказал тихо:

— Серёга, ты уверен, что это всё ещё про месть?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, — Максим вздохнул, — что ты говоришь о ней не как о дочери врага. Ты говоришь о ней как о человеке, который тебе небезразличен. Это другое.

— Я просто не хочу, чтобы она пострадала, — возразил Сергей. — Она нужна мне для плана.

— Ты сам в это веришь?

Сергей не ответил. Он смотрел на тёмные окна её квартиры и чувствовал, как что-то внутри него трещит по швам. Он не знал, что это. Он не хотел знать.

— Я подумаю, — сказал он наконец.

— Подумай, — Максим помолчал. — И ещё, Серёга. Если ты вдруг поймёшь, что это не про месть... не беги от этого. Иногда то, что мы ищем, оказывается совсем не тем, что нам нужно.

Сергей отключился. Он долго сидел в машине, глядя на окна её дома. А потом завёл мотор и уехал.

Он не знал, что уже стоит на пороге. Что ещё немного — и он переступит черту. Но пока он держался. Пока он ещё верил, что это просто план.

И только глубоко внутри, в самой тёмной части его души, тихо-тихо звонил колокольчик. Тот самый, который предупреждал о беде.

Пирожки

Понедельник начался для Сергея с провала. Инвестор, на которого он так рассчитывал, перенёс встречу на среду, сославшись на срочные дела. Весь день Сергей метался по офису, переделывая презентацию, звоня потенциальным партнёрам, пытаясь выбить хотя бы отсрочку по кредитам. Он забыл про завтрак, про обед, про то, что в мире вообще существует еда. Голова гудела, в висках стучало, но он не мог позволить себе остановиться — каждая минута промедления могла стоить его возрождающемуся бизнесу последнего шанса.

Настя пришла в офис к десяти, как обычно, но Сергей даже не поднял головы, когда она поздоровалась. Он сидел за столом, уткнувшись в ноутбук, и его лицо было сосредоточенным до боли. Она тихо прошла к своему столу, открыла документы, но краем глаза продолжала наблюдать за ним.

К обеду Сергей не двинулся с места. Он даже не выпил воды — просто листал презентацию, правил цифры, искал ошибки в расчётах. Настя видела, как он проводит ладонью по лицу, как трёт переносицу, как его плечи напряжены до предела. Она видела, что он не ел.

В два часа дня она встала, бесшумно выскользнула из офиса и вернулась через пятнадцать минут с небольшим пакетом в руках. Сергей настолько углубился в работу, что даже не заметил её ухода.

— Сергей Александрович, — тихо сказала она, подходя к его столу.

Он поднял голову, и в его голубых глазах мелькнуло раздражение от того, что его отвлекли от расчётов.

— Что? — спросил он резче, чем хотел.

Настя не смутилась. Она поставила на край стола небольшой контейнер и термос.

— Я принесла вам поесть, — сказала она спокойно. — Вы не ели с утра.

— Я не голоден, — отрезал он, отворачиваясь к ноутбуку. — У меня нет времени.

— У вас есть пять минут, — её голос стал твёрже, в нём появились стальные нотки, которых Сергей раньше не слышал. — Если вы не поедите, то к среде упадёте в обморок. И тогда никакая презентация не спасёт.

Она открыла контейнер, и по кабинету поплыл такой аромат, от которого у Сергея непроизвольно свело желудок. В контейнере лежали румяные пирожки — золотистые, с румяной корочкой, от которых шёл пар. Он почувствовал, как слюна наполнила рот, и понял, что голоден до зубного скрежета.

— Что это? — спросил он хрипло, но в голосе уже не было той резкости.

— Пирожки, — просто ответила Настя. — Я сама пекла. С капустой и с мясом. Мама научила. А это чай — с мятой, как вы любите. Я запомнила.

Сергей смотрел на неё, и в груди закипало странное, тёплое чувство. Она запомнила. Из всех вещей, из всех деталей его жизни она запомнила, что он любит чай с мятой. Это было... неожиданно. Он не просил её запоминать. Он вообще не хотел, чтобы она что-то о нём знала.

— Настя, — начал он, но она перебила:

— Даже не пытайтесь сказать, что не хотите. Я вижу, как у вас глаза блестят от голода. Ешьте. Я посторожу, чтобы никто не отвлекал.

Она отодвинула его ноутбук в сторону, поставила перед ним контейнер с пирожками и открыла термос. Запах мяты смешался с ароматом свежей выпечки, и Сергей сдался. Он взял один пирожок, надкусил, и по телу разлилось тепло. Тесто было нежным, начинка сочной, горячей — и в этом домашнем вкусе было что-то такое, чего он не чувствовал много лет. С тех пор как умерла мать.

Он ел, и с каждым куском усталость отступала, голова переставала гудеть, а напряжение в плечах понемногу спадало. Настя села напротив, не сводя с него своих карих глаз. Она улыбалась — счастливо и немного смущённо.

— Ну как? — спросила она, когда он взял второй пирожок. — Вкусно?

— Очень, — ответил он, и это было чистой правдой. — Ты сама пекла?

— Сама, — кивнула она. — Вчера вечером. Мама лежала, отдыхала после химии, а я решила, что завтра нужно принести что-то хорошее на работу. Чтобы поднять настроение.

Она сказала это так легко, будто пекла пирожки каждый день. Но Сергей знал, что значило для неё «мама лежала после химии». Он знал про её больную мать, знал про деньги, которые отец переводил с неохотой, про ту зависимость, в которой она жила. И когда он смотрел на её худенькие руки, на её тёмные волосы, на её карие глаза, в которых не было ни капли горечи, он чувствовал... что?

Он не знал, что это. Он не хотел знать. Это было просто... неожиданно. Она не должна была быть такой. Дочь Громова должна была быть избалованной, капризной, пустой. А эта девушка пекла пирожки для человека, который её даже не поблагодарил. Это не вписывалось в план.

— Ты не должна была, — сказал он тихо, ставя чашку на стол. — Это лишнее.

— Это не лишнее, — ответила она, и её голос стал серьёзным. — Ты помогаешь мне учиться. Ты даёшь мне шанс, которого у меня никогда не было. Я могу хотя бы накормить тебя. Это нормально, когда люди заботятся друг о друге.

Он смотрел на неё, и в горле вставал ком. Она не знала, кто он на самом деле. Она не знала, что её доверие — это часть его плана. Но когда она говорила о заботе, она вкладывала в это слово всю свою душу. Искренне, без оглядки, без расчёта.

— Настя, — сказал он, и голос его дрогнул. — Почему ты такая?

— Какая?

— Добрая. Ты не знаешь меня. Ты не знаешь, что я за человек. А ты уже заботишься, уже печёшь пирожки.

Она пожала плечами, и на её губах заиграла лёгкая улыбка.

— А зачем мне знать, что ты за человек? Я вижу, что ты голоден. Что ты устал. Что ты пытаешься подняться с нуля, и это тяжело. И я хочу помочь. Разве для доброты нужно разрешение?

Сергей не нашёлся, что ответить. Он просто отпил ещё чаю, и в груди разливалось тепло, которое не имело отношения к напитку. Он смотрел на неё, и его холодный план мести казался всё более далёким. Не потому, что он передумал. А потому, что она была... не такой. Она была лучше, чем он ожидал. И это раздражало.

— Знаешь, — сказал он, отставляя чашку. — А ведь я в первый раз за много лет ем домашние пирожки.

— Правда? — её глаза расширились от удивления. — А мама? Вы с мамой не пекли?

— Мама умерла, когда мне было двадцать, — сказал он коротко, и впервые за долгие месяцы позволил себе произнести это вслух. — С тех пор я всё покупал в магазинах. Или не покупал вообще. Как сегодня.

Настя на мгновение замерла. Её карие глаза стали влажными, но она моргнула, прогоняя слёзы, и улыбнулась снова.

— Тогда я буду печь тебе, — сказала она просто. — Буду приносить пирожки, пока ты не привыкнешь к домашней еде. Договорились?

Он хотел сказать «нет». Хотел напомнить себе, что она — дочь его врага, что он использует её, что это неправильно. Но когда она смотрела на него такими глазами, он не мог вымолвить ни слова.

— Договорились, — выдохнул он.

Настя просияла. Она встала, убрала пустой контейнер и термос и направилась к своему столу, но на полпути обернулась.

— И ещё, — сказала она, лукаво прищурившись. — Завтра я принесу блинчики. С творогом. Вы любите блинчики?

Сергей невольно улыбнулся — впервые за несколько дней.

— Люблю, — признался он.

— Тогда договорились, — кивнула она и села за свой стол, открывая ноутбук.

Он смотрел на неё, на её тёмноволосую голову, склонённую над экраном, и думал о том, что она — проблема. Не потому, что она была плохой. А потому, что она была хорошей. Слишком хорошей для того, что он планировал сделать. И это усложняло всё.

Вечером позвонил Максим.

— Ты сегодня ел? — спросил он вместо приветствия.

— Ел, — Сергей усмехнулся. — Пирожки.

— Что?

— Настя принесла. Домашние. С капустой и мясом.

Максим помолчал, а потом расхохотался.

— Пирожки? Она тебе пирожки принесла? Серёга, ты попал.

— В каком смысле?

— В том смысле, что если женщина начинает тебя кормить — это конец. Ты пропал, брат. Ты просто ещё не понял.

— Я не пропал, — возразил Сергей. — Я просто... она принесла еду. Это ничего не значит.

— Ага, — Максим хмыкнул. — Конечно, ничего. Ты просто так говоришь. А сам уже думаешь о ней.

— Я думаю о плане, — отрезал Сергей. — Она — часть плана. И всё.

— Ну-ну, — Максим не спорил, но в его голосе слышалась улыбка. — Ладно. Приезжай в субботу. Посидим, выпьем. Ты слишком много работаешь. Опять.

Сергей отключился и посмотрел на телефон. Он не думал о ней. Он думал о плане. И о пирожках. Просто о пирожках. Это ничего не значило.

Деловой ужин

Четверг выдался суматошным. Сергей с утра получил звонок от старого знакомого, владельца сети ресторанов, который когда-то был его клиентом. Сейчас этот человек — Игорь Борисович — мог стать спасительным якорем для его тонущего бизнеса. Он искал IT-подрядчика для обновления своей системы доставки, и Сергей знал: если он получит этот контракт, он сможет расплатиться с самыми срочными долгами и выиграть время.

— Серёжа, — сказал Игорь Борисович в трубку, — я помню твоего отца, царствие ему небесное. Мы дружили, знаешь. Я дам тебе шанс, но мне нужно встретиться с тобой лично. Вечером. В моём ресторане на Невском. Расскажешь своё предложение, посмотрим, что ты можешь.

— Игорь Борисович, я приеду, — ответил Сергей, сжимая телефон. — Во сколько?

— В восемь. Только, Серёжа... Ты с девушкой приходи. Я хочу видеть, что у тебя всё в порядке, что жизнь налаживается. Семейный ужин, понимаешь? Не люблю, когда люди одинокие приходят. А то думаешь — пропащий человек.

Сергей усмехнулся. Старый Игорь Борисович был известным чудаком — он верил в семейные ценности и считал, что бизнес делают только люди, у которых есть «прочный тыл». Отказаться было нельзя. Контракт мог решить всё.

Он вышел из своего кабинета и остановился у стола Насти. Она сидела, склонившись над отчётами, светлые волосы упали на лицо, тонкие пальцы быстро стучали по клавиатуре. Она выглядела сосредоточенной и серьёзной — совсем не так, как в тот вечер, когда угощала его пирожками.

— Настя, — позвал он.

Она подняла голову, и в её карих глазах мелькнуло удивление.

— Сергей Александрович? Что-то случилось?

— Случилось, — он подошёл ближе и присел на край её стола. — У меня сегодня важная встреча с потенциальным инвестором. Очень важная. От неё зависит, получит ли компания крупный контракт или нет. И мне нужна помощь.

— Какая? — она выпрямилась, готовая помочь.

— Мне нужна девушка на ужин, — сказал он прямо, глядя ей в глаза. — Точнее, мне нужна ты. Клиент просит прийти с парой. Говорит, что не доверяет одиноким бизнесменам. Старая закалка.

Настя заморгала. На её щеках выступил лёгкий румянец.

— Вы хотите, чтобы я пошла с вами? Как... как ваша девушка?

— Формально, — уточнил он, хотя внутри его кольнуло от этого слова. — Ты просто будешь со мной, поддержать беседу. Ничего сложного. Ресторан на Невском, хорошая кухня, приятная атмосфера. Мне нужно произвести впечатление.

Она смотрела на него с лёгким сомнением, и Сергей заметил это.

— Ты можешь отказаться, — добавил он мягче. — Я понимаю, что прошу многого. Ты моя стажёрка, не обязана участвовать в таких делах.

— Нет, — ответила Настя быстро. — Я согласна. Я хочу помочь. Правда. Я просто не знаю, что мне надеть... Я никогда не была на деловых ужинах.

Он улыбнулся краем губ.

— Это не вопрос. Я заеду за тобой в семь. Оденься так, как чувствуешь себя уверенно. Не нужно вечернего платья — достаточно элегантного повседневного. Ты и так красивая.

Она покраснела ещё сильнее, и Сергей понял, что сказал лишнего. Слишком личного. Но он не жалел — он видел её реакцию, и она была именно такой, какой он хотел. Доверчивой,

тёплой, влюблённой. Месть требовала этого. Но внутри, глубоко, он уже не был уверен, что делает это ради мести.

— Тогда в семь, — сказала она, пряча взгляд. — Я буду готова.

Он кивнул и вернулся в свой кабинет, чувствуя её взгляд на своей спине. У дверей он на мгновение задержался, но не обернулся.

Ровно в семь Сергей стоял у подъезда Насти. Он был в тёмном костюме, свежевыбритый, с лёгким ароматом хорошего одеколона. Он знал, как выглядит — тот образ, который действовал на женщин безотказно. Высокий, подтянутый, с голубыми глазами и волевым лицом, он напоминал киногероя, сошедшего с экрана.

Дверь подъезда открылась, и на улицу вышла Настя. Сергей замер. Она была в простом чёрном платье чуть выше колена, с небольшим вырезом, открывающим тонкие ключицы. Тёмные волосы были распущены и мягкими волнами падали на плечи. Карие глаза слегка подведены, губы тронуты блеском. Она выглядела элегантно, но без пафоса — скромно, со вкусом. И очень красиво.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, и в голосе его не было игры. Это была правда.

— Спасибо, — Настя смутилась и поправила невидимую складку на платье. — Я очень волнуюсь. А вдруг я что-то не так скажу?

— Не волнуйся, — он подал ей руку. — Я рядом. И запомни: ты просто моя девушка, которая сопровождает меня на ужин. Можешь говорить о чём хочешь — о погоде, о еде, о Петербурге. Главное — быть милой и естественной. У тебя это отлично получается.

Она улыбнулась, взяла его под руку, и они пошли к машине. Сергей открыл перед ней дверцу старой «Лады», и Настя с лёгкой иронией посмотрела на машину.

— Представительский класс, — сказала она с улыбкой.

— Пока что класс "Б", — усмехнулся он, закрывая дверцу. — Но через месяц, если сделка пройдёт, будет "Бизнес".

Она рассмеялась — легко, искренне, и Сергей в очередной раз поймал себя на том, что её смех действует на него сильнее любого вина.

Ресторан оказался уютным, с приглушённым светом и тихой музыкой. Игорь Борисович — полноватый мужчина с добрыми глазами и густыми усами — встретил их у входа, с улыбкой оглядел Настю и одобрительно кивнул.

— Ну, Серёжа, нашёл себе красавицу! — прогудел он. — Молодец! Проходите, я заказал нам отдельный кабинет. Люблю, когда можно поговорить спокойно.

Они расположились за круглым столом в уютной комнате с видом на Невский. Игорь Борисович заказал вино, закуски, и беседа пошла легко. Сергей рассказывал о своём предложении — обновлённой системе доставки с искусственным интеллектом, которая сократит время ожидания на двадцать процентов. Он говорил уверенно, грамотно, с цифрами и фактами.

Настя сидела рядом, слушала, и время от времени вставляла реплики — уместные, дельные. Она спросила Игоря Борисовича о его ресторанном бизнесе, о том, как он начинал, о сложностях с поставками. Она слушала внимательно, задавала правильные вопросы, и старый ресторатор расцвёл.

— Ай да молодец, девушка! — воскликнул он, поднимая бокал. — Умница! Серёжа, держись за неё. Такие женщины — редкость. Ты гляди, как она в теме! Даже я не всё рассказал.

— Я учусь у Сергея, — скромно ответила Настя. — Он замечательный учитель.

Сергей посмотрел на неё. Она говорила это с такой искренней гордостью, что у него перехватило дыхание. Она не играла. Она действительно верила в него. И в этот момент он понял, что перестал различать, где заканчивается его план, и начинается что-то настоящее. Но он не хотел об этом думать. Не сейчас. Не здесь.

Они выпили за сделку. Игорь Борисович был доволен и пообещал, что завтра его юристы свяжутся с Сергеем для подписания договора.

— Я верю в тебя, Серёжа, — сказал он, пожимая руку на прощание. — И в твою девушку. Вижу, что вы настоящая пара. У таких людей всё получается.

Настя покраснела, опустила глаза. Сергей поблагодарил и повёл её к выходу. На улице было прохладно, но она не взяла его под руку — стояла рядом, смотрела на огни Невского, и молчала.

— Спасибо тебе, — сказал он, глядя на неё. — Без тебя он бы не согласился. Ты была просто волшебной.

— Я всего лишь сказала правду, — ответила она, поднимая на него свои карие глаза. — Что ты хороший учитель. Что я тебе доверяю. Это не было игрой.

Она смотрела на него так, что Сергей забыл дышать. В её взгляде была та самая искренность, которой он боялся больше всего. Она верила ему. Полностью, безоговорочно.

Он шагнул к ней, взял её за руку и притянул к себе. Настя не сопротивлялась — она оказалась в его руках, хрупкая, тёплая, пахнущая лёгким цветочным ароматом.

— Настя, — сказал он тихо, глядя в её глаза. — Ты не представляешь, что ты для меня сделала. Ты дала мне шанс. Ты поверила.

— А ты спас меня, — прошептала она. — Мы квиты.

Он наклонился и поцеловал её — прямо на Невском, под светом фонарей, не думая о последствиях. Настя обняла его за шею, прижалась ближе, и её губы ответили на поцелуй с той же отчаянной нежностью, что и в офисе.

Он отстранился первым, тяжело дыша, и провёл пальцами по её щеке.

— Поехали ко мне, — сказал он хрипло. — Если ты не против.

Настя посмотрела на него, и в её глазах не было страха — только доверие и желание.

— Я не против, — ответила она шёпотом.

Они сели в машину, и Сергей повёз её в свою съёмную квартиру. Всю дорогу он сжимал её руку и молчал — потому что слова были лишними. Он понимал, что делает. Что переходит последнюю черту. Но когда он смотрел на неё, когда она улыбалась ему, он знал: он уже не смо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.